

М.Ю. Коренева, Е.О. Ларионова

**СТУДЕНЧЕСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ С.И. ТУРГЕНЕВА:
ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЕ
В ДНЕВНИКАХ 1811 г.¹**

Исследованы материалы неопубликованных дневников С.И. Тургенева и посвящена путешествиям, совершенным им в 1811 г. во время учебы в Гёттингенском университете, – путешествию по Гарцу и поездке в Голландию. Сопоставление этих двух путешествий показывает, как в течение буквально нескольких месяцев у Тургенева меняется оптика восприятия европейского пространства: развлекающийся «бури» превращается в пытливого путешественника, размышляющего над социальными и политическими вопросами.

Ключевые слова: путешествия XIX в., Гарц, Голландия, братья Тургеневы, европейский опыт.

Сергей Иванович Тургенев (1792–1827), четвертый сын видного московского масона-розенкрейцера, сподвижника Н.И. Новикова, директора Московского университета И.П. Тургенева (1752–1807), как и его старшие братья Александр (1784–1845) и Николай (1789–1871), учился в Гёттингенском университете, который в начале XIX в. пользовался репутацией модного учебного заведения либерального духа, куда охотно отправляли своих отпрысков представители европейской титулованной знати. Университет, открытый в 1737 г., с самого начала принимал желающих из разных стран, в том числе и из России. После Французской революции, впрочем, поток русских студентов резко иссяк, и только в 1802 г. усилиями

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00-478 («Архив братьев Тургеневых как источник изучения либеральных идей в России: европейский опыт и его русские преломления (на материале дневников, писем и служебных документов Сергея Ивановича Тургенева)»).

И.П. Тургенева контакты с Гёттингеном были восстановлены, в результате чего поездки русских молодых людей (небольшими группами по 10–15 человек) возобновились [1. С. 323–339]. Среди них были и сыновья И.П. Тургенева. Александр провел в Гёттингене два года (1802–1804), Николай учился здесь в 1808–1811 гг., а Сергей прибыл в 1810 г. и уехал в августе 1812 г., в самый разгар войны между наполеоновской Францией и Россией, незадолго до Бородинского сражения и оставления Москвы, чтобы через Данию и Швецию вернуться домой.

Находясь за границей, никто из братьев не страдал «швейцарской болезнью» – тоской по родине. Наслаждаясь в полной мере независимой студенческой жизнью с ее разнообразием развлечений и собственными занятиями, они по временам поругивали Гёттинген и неизменно соотносили увиденное с картинами русской жизни. «Чужая сторона научит любить свое отечество. Поезжай удивляться иностранцам и возвратись с русским сердцем!» – писал А.И. Тургенев, обращаясь к «домоседам», в предисловии к «Путешествию русских студентов по Гарцу», которое он так и не довел до печати [2. С. 290]. Надо сказать, что собственно «удивления» в дневниках братьев Тургеневых мы не обнаружим, но обнаружим множество частных наблюдений, касающихся повседневной жизни, и можем проследить, как складывался этот опыт наблюдения, подспудно осознававшийся Тургеневыми как полезный для дальнейшей службы и шире – для служения отечеству. Это отсутствие «удивления» было обусловлено не только подготовленностью к Европе, являвшейся следствием особого домашнего воспитания, но своеобразной адаптивностью, свойственной братьям, при всей разности характеров и темпераментов: все они довольно быстро интегрировались в студенческую среду и жили, соблюдая в большей или меньшей степени ее обычаи и правила. Даже то обстоятельство, что они немало времени проводили со своими соотечественниками, в полной мере соответствовало традициям немецкого студенчества, структурно организовывавшегося в землячества, которые, в свою очередь, нередко вливались в бурские союзы.

Неотъемлемой частью немецкой студенческой жизни были групповые путешествия – ближние и дальние пешие вылазки, которые часто совершались членами одного землячества или одного студен-

ческого союза. У студентов каждого немецкого университета были свои излюбленные маршруты, для студентов Гёттингенского университета в «обязательную программу» путешествий входили два маршрута – по Гарцу и по Рейну, к началу XIX в. уже вполне освоенные и немецким «обывателем», для которого тут имела налаженная система обслуживания «туристов» (многочисленные, связанные между собой постоянные дворы, проводники-«показчики» на любой вкус, возницы для локальных переездов и проч.). В случае необходимости путешественник мог обратиться к какому-нибудь из многочисленных описаний этих мест и найти там перечень обязательных для осмотра красот природы и достопримечательностей, связанных с германской историей, а также практические советы путешественнику [3. S. 63–126; 4. S. 176–177; 5]. Русские студенты Гёттингенского университета, учившиеся здесь в начале XIX в., имели возможность подготовиться к путешествиям на специальном семинаре (Reisecollegium), устроенном для них профессором А.Л. Шлётцером (August Ludwig Schlözer, 1735–1809). При этом в конце XVIII – начале XIX в. репертуар книг, посвященных Гарцу и Рейну, пополнился принципиально новым типом описания, ориентированным не столько на историю края в контексте общей германской истории и эстетику природы, сколько на эмпирическую материю, применительно к Рейну – с акцентом на современные «полезные» заведения, представленные многочисленными естественнонаучными обществами, натуральными кабинетами, физическими и химическими лабораториями, собраниями (зоологическими, минералогическими, ботаническими и проч.), применительно к Гарцу – с акцентом на геологию, ставшую модной наукой, широкий дилетантский интерес к которой вылился в немецких землях в собирательство геологических образцов и составление частных минералогических коллекций. Среди заметных сочинений этого нового рода была книга профессора Гёттингенского университета Кристофа Майнерса (Christoph Meiners, 1747–1810) «Краткое описание стран и путешествий» («Kleinere Länder-und Reisebeschreibungen», 1794), где впервые были собраны статистические сведения о горнодобывающей промышленности Гарца, об условиях жизни рудокопов и др. В том же «практическом» духе были выдержаны и лекции другого знатока Гарца – Иоганна Фридриха Гаусмана (Johann Friedrich Hausmann,

1782–1859), геолога и минералога, занимавшего с 1807 по 1811 г. должность руководителя государственного горнодобывающего предприятия в Вестфалии, а в 1811 г. назначенного профессором горного дела Гёттингенского университета.

Труды обоих профессоров были известны братьям Тургеневым, которые в разное время побывали на Гарце, описав, каждый по-своему свои впечатления. Александр Иванович прошел по Гарцу в 1802 г. и опубликовал позднее очерк «Путешествие Русскаго на Брокен в 1803 году» (Вестник Европы. 1808. Ч. 42, № 22. С. 77–93), в котором он, умело совместив перспективу историка с перспективой «натуралиста», дал яркую картину этой местности, малоизвестной тогда русскому читателю, и очертил общие контуры ее культурной и геологической истории, избегая ожидаемой поэтизации связанных с Гарцем преданий и легенд, но обращая особое внимание на местные обычаи и нравы в их сопоставлении с русскими, кажушимися автору гораздо более человечными, чем диковатые германские. В расширенном, незавершенном варианте его «Путешествия русских студентов по Гарцу» мотив сопоставления русских и немцев становится сквозным, при этом конечные выводы уже не столь прямолинейны и категоричны, особенно в части, касающейся общественных «пороков» (пьянства, рабского труда и проч.). Тем же маршрутом прошел и Николай Иванович в 1809 г., подготовившись к путешествию, следуя советам старшего брата, который писал ему 13 октября 1808 г.: «Для путешествия по Гарцов<ским> горам надобно прежде приготовиться и получить некоторыя сведения или в натур<альной> истории, или в германской истории, в которой они известны по городам и по замкам своим, которые служили убежищем хищным рыцарям и в которых жилали императоры из Саксонскаго дому. Надобно иметь понятие и о минералогии, и о горном искусстве» [6. С. 373]. Дневник Николая Ивановича содержит лишь сухие, скудные сведения об увиденном, и только его письмо к Александру Ивановичу от 20 мая / 1 июня 1809 г. дает представление о том, на что он в первую очередь обращал внимание и какое значение вообще имело для него это путешествие. «Путешествие сие было для меня приятно и полезно. Полезно потому, что мне удалось видеть рудокопные заводы, делание монеты и проч. А приятно – но можно ли изчислить все приятности путешествия по таким прекрасным местам, каков Гарць? <...> Все

это было для меня совершенно ново; а все новое, поражающее чувства, поражает вместе и разум», – пишет Н.И. Тургенев [7. С. 365].

Далее, рассказывая о посещении той же шахты, которую видел А.И. Тургенев, сравнивший ее мильтоновым адом, он делится мыслями о тяжелом труде рудокопов: «При виде работников часто приходила мне мысль о Сибири. Какое различие между состояниями людей! – Здесь люди работают по своей воле, получают плату и свободны. Хотя и нельзя завидовать их состоянию, но они к нему привыкли, работая там с десяти или двенадцати лет их возраста; привычка делает для них самые трудные работы сносными и даже легкими; а там – но что говорить об этом» [7. С. 365].

Весь этот круг тем, занимавший в равной степени и Александра Ивановича, и Николая Ивановича, подходивших ко всякому путешествию как к возможности соединить приятное с полезным и относившихся к увиденному скорее как к поводу для собственных размышлений, – все это отсутствует в описании поездки на Гарц, составленном Сергеем Ивановичем, который побывал здесь в первых числах июня 1811 г. в компании шести своих товарищей-курляндцев. Оформлено это описание в виде своеобразного отчета, адресованного Александру Ивановичу и представляющего собой пространное личное письмо с включением в него дорожных дневниковых заметок, несколько обработанных по возвращении в Гёттинген.

«Отчет» С.И. Тургенева, озаглавленный «Путешествие по Гарцу (à la hâte² написанное)», «программно» отличается от того, что писали по этому поводу его братья. С.И. Тургенев твердо знает, что путешествия совершаются в первую очередь для пользы, но, не смущаясь, сообщает: «Признаюсь, что путешествие по Гарцу предпринял я не для пользы, но для удовольствия, или, если польза наконец из оного и вышла, то непосредственно. Я не испытатель природы, не живописец, не разыскиваю древности по Гарцу, по истории 10, 11 и 12 столетий может Гарц важен, и потому мне было приятно, хотя тоже едва ли полезно, видеть особенно нижний Гарц, где жилали нем<ецкие> короли и импер<аторы> от Генриха I до Генриха IV» [8. Л. 7а]. Он твердо знает, что ко всякому путешествию следует готовиться, но, имея для того возможности, не удосуживается этого сде-

---

² на скорую руку (*фр.*).

лать и откровенно пишет, что «до дороги» не прочитал ни одной книги, не только не просмотрел тетрадей с лекциями профессора Гаусмана, читавшего курс о путешествиях по Гарцу, но и во взятый с собой, по его собственным словам, «лучший указатель для путешествующих по Гарцу» – путеводитель К.Ф. Готшалка, заранее не заглянул³ [8. Л. 6, 7а, 18].

Едиственной книгой, которую Сергей Иванович взял в руки перед тем, как отправиться на Гарц, стали «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, из которых он отобрал фрагмент, посвященный Альпам, и прочитал его «в постеле, с живейшим удовольствием, прямо эстетическим, ни с какою пользою не смешанным» [8. Л. 17 об.]. Карамзин же стал надежным помощником, когда Сергей Иванович столкнулся с необходимостью выразить эстетическое удовольствие от увиденных красот Гарца в тексте, предназначенном для брата, который ожидал от него, как, вероятно, предполагал Сергей Иванович, некоторой «художественности». Автор составляет описание приличествующими с его точки зрения литературными цитатами из имевшихся под рукой русских источников – из Карамзина, а также из февральского номера журнала «Московский Меркурий» за 1803 г., где была помещена чувствительная повесть «Самоубийство» (превод отрывка из «Сентиментального путешественника во Франции» Ф. Верна), из которой Сергей Иванович привлекает несколько не слишком затейливых «романических» мыслей, в том числе о тяготах странника, умирающего на чужбине. Эта потребность литературно облагородить текст обусловлена не только наличием адресата и представлением о том, как должны выглядеть записки о путешествии, но и сознанием собственной словесной беспомощности, которую молодой путешественник испытывает при виде особенно волнующих картин природы. На протяжении всего текста он борется с проблемой «невыразимого» и в самые возвышенные моменты признается в бессилии: «Часто чувствовал, что я не стихотворец, чаще жалел, что не живописец. Но натура не отказала мне в чувстве к изящному прекрасному, и я пламенный поэт в душе моей»

---

³ В «Путешествии...» С.И. Тургенева содержатся ссылки на Гаусмана и несколько выписок из книги Готшалка, относящихся к геологии и географии Гарца; они «вмонтированы» в текст при его обработке.

[8. Л. 6 об.]. Этот «пламенный поэт в душе» то и дело создает для автора «поэтические ситуации», когда он начинает предаваться мечтаниям о том, как поселил бы в местных пещерах кающихся монахов, а на лугу построил бы «домики для монашенок, невинных овечек, невест Христовых... одним словом таких, какими их описывает Попова Элоиза» [8. Л. 21], или когда он, сидя на гранитном утесе, в приливе чувств, вполне поэтично готов броситься вниз с обрыва: «Шаг – и простите люди! Как скоро могу спрыгнуть с того земного шара, который вы измерить не можете. – Как мне хорошо здесь! Какая натура! Что пред нею искусство? Жуковский! Жуковский!» [8. Л. 22].

Литературная линия, старательно прочерченная Сергеем Ивановичем как дань жанру и предполагаемым ожиданиям брата, не является, однако, основной и отступает на второй план в густом «этнографическом» материале, наполняющим его «отчет», которому он, словно в оправдание, предпослал нечто вроде предупреждения: «О нем (Гарце. – М.К., Е.Л.) так много писали все, и еще некоторые так хорошо писали, что, кроме себя, смешно было бы мне что-нибудь написать. <...> что я пишу не есть *журнал идей моих и чувств в полном смысле* (здесь и далее в цитатах выделено автором. – М.К., Е.Л.), однако не будет здесь ничего похожего на ученую диссертацию» [8. Л. 5 об.]. Сделав себя главным «героем» своего повествования, С.И. Тургенев выбрал модель, которая менее всего соответствовала представлениям А.И. Тургенева о допустимой мере субъективности в такого рода текстах. «Вот недостаток большей части путешественников: они всегда любят в своих сочинениях более заниматься собою, нежели своим предметом, – писал Александр Иванович, – как будто читателю нужно знать, где автор нашел хороший обеденный стол, покойный ночлег, где на него умильно взглянула пастушка, или даже <...> для меня непонятно, как они могут быть так откровенны перед публикою и заниматься или собою, или другими безделицами там, где, кажется, и сама натура и происшествия, коих она была свидетельницею, требуют полного внимания путешественника» [2. С. 293]. Но именно из подобных «безделиц» и состоит по преимуществу тот текст, который составил С.И. Тургенев и который с точки зрения дня сегодняшнего представляет собой уникальный документ, позволяющий судить о бытовой стороне студенческого путешествия, протекавшего с полным соблюдением

буршеского «ритула» с его обильными возлияниями, беспрестанным громким пением и мелким волокитством за девицами в трактирах и на постоянных дворах. В этом тексте нет собственно образа Гарца, или Саксонии, или Германии в целом, но есть множество жанровых сцен, демонстрирующих, как складывалось прямое частное взаимодействие между русскими студентами и саксонскими «обывателями» и «обывательницами», которые охотно плясали под русскую «Барыню» в исполнении «гёттингенцев» из России, награждали их в знак приязни дубовыми венками [8. Л. 23 об. – 24], дивились малопонятным «буршевским или студентским выражениям», которыми бравировал Сергей Иванович [8. Л. 27 об.], вели беседы о театре, где царствовал общий для всех Август Коцебу и выступала такая же «общая» мадемуазель Жорж, и проч.

Из таких мимолетных встреч и складывался первый европейский опыт молодого русского путешественника – опыт существования вне замкнутой городской студенческой среды, в новом пространстве, в котором он чувствовал себя вполне органично и которое ощущалось им не как экзотическое, а как вполне «одомашненное», – ощущение, которое поддерживалось среди прочего присутствием русского «элемента» в разговорах с местными жителями: у кого-то обнаруживался родственник, живущий в Санкт-Петербурге, кто-то служил в «русской Польше», кто-то выказывал осведомленность о петербургских театральные постановках и т.д. Саксонское захолустье оказывалось связанным с российскими землями, но связь эта, которая не имела никакого отношения к культурному или интеллектуальному взаимодействию, не осознавалась С.И. Тургеневым как нечто особенное, а воспринималась скорее как житейская банальность, как естественная примета осваиваемого им впервые европейского мира, представляющего в субъективной перспективе миром без границ. Если его старший брат Николай Иванович считал, что «надобно узнавать *народов* тогда, когда еще не имеешь справедливого понятия о *людях*» [7. С. 399], и, взглядываясь в Европу, составлял для себя обобщенный портрет «народов», то Сергей Иванович в этом первом своем путешествии накапливал «понятия о людях», и лишь один раз высказался о немцах как о «народе»: осматривая замок Бланкенбург, в котором выросла жена царевича Алексея Шарлотте Кристине София, принцесса Брауншвейг-Вольфенбют-

тельская, он внимательно изучает представленную там «таблицу всех владетельных особ Петрова времени» и, обнаружив, что российский император помещен не только «ниже султана», но даже ниже «князка Оснабрюкского», дает волю своему патриотическому возмущению: «Куда глупы немцы!» [8. Л. 27].

Вернувшись в Гёттинген, Сергей Иванович некоторое время неспешно обрабатывал свои дорожные записки. Александр Иванович получил его «Путешествие по Гарцу» только в конце августа и, прочитав его, коротко написал брату, что оно ему понравилось при всех шероховатостях слога, на которые обратил внимание Александр Иванович, посоветовавший Сергею Ивановичу чаще писать порусски и писать правильнее [9. С. 451].

Сергей Иванович тем временем уже готовился к следующему «обязательному» путешествию – на Рейн, но Николай Иванович отговорил его от этого плана: «Ты хочешь ехать на Рейн. Это, брат, немецкая привычка *eine Rheinreise machen*⁴. Теперь Рейн не то что был, и много хлопот можно иметь по причине пограничных фр<анцузских> крепостей; но это все ничего. Если ли ты хочешь сделать путешествие, то поезжай в Гамбург; оттуда в Амстердам и пр. и возвратись через Мюнстер и Падерборн. Таким образом ты увидишь часть Рейна и можешь иметь понятие о целом. Это будет стоить более времени и денег; но зато ты что-нибудь увидишь; а одно *Rein*'ское путешествие не стоит того, чтобы подниматься из Гёттингена», – писал Николай Иванович 26 августа / 7 сентября 1811 г. из Парижа [10. С. 96–97]. Сам Н.И. Тургенев за год до того побывал в Голландии: в мае 1810 г. он воспользовался студенческими каникулами, чтобы посетить Голландское королевство, которое уже в июле 1810 г. утратило свой статус, поскольку Наполеон I, недовольный политикой своего брата Луи (Louis Bonaparte, 1778–1846), назначенного им в июне 1806 г. королем, присоединил Голландию к Франции на правах департамента. Николай Иванович провел в Голландии почти пять недель и с удовольствием вспоминал это свое путешествие, хотя сама страна произвела на него двойственное впечатление. «Видел Голландию, удивлялся уму, искусству, всемогуществу человека, восторжествовавшего над природою; на водах воздвигнул

---

⁴ Совершать путешествие по Рейну (*нем.*).

он города, из болот сотворил поля; обогатил первые, обработал последние и поставил эту чудесную землю на степень совершенства, которой еще никакая земля в Европе не имела! На каждом шагу можно заметить трудолюбие, благосостояние, царствующие в Голландии», – писал он Александру Ивановичу 23 мая 1810 г. [7. С. 395]. Эта общая благостная картина дополняется им рассуждениями о тех переменах, которые произошли в Голландии: «Одни следы прежнего величия остались, одно воспоминание и – *может быть – надежда!* Большое участие в сей перемене имела и перемена народного характера; кто бы подумал прежде, что из постоянных голландцев, с правом гордившихся своею свободою, большая часть превратилась в самых пустых людей, гордящихся золотыми мундирами, ленточками и т.п.? Но таковы люди!» [7]. Такая же двойственность обнаруживается и в отношении Николая Ивановича к Вестфальскому королевству, к которому принадлежал Гёттинген: с одной стороны, годы, проведенные здесь, подарили ему субъективное ощущение «свободы, независимости и покоя – в самом настоящем смысле слов сих», как записал он в дневнике по окончании учебы в июне 1811 г. [11. С. 8]; с другой стороны, он не мог отделаться от ощущения несвободы, в которой пребывает это новообразованное государство во главе с младшим братом Наполеона, королем Жеромом (Jérôme Bonaparte, 1784–1860), именующимся в дневниках Н.И. Тургенева не иначе как «Ерема», что демонстрировало его пренебрежительное отношение к этому правителю, который, взойдя на трон, отменил крепостное право, ввел конституцию и «Кодекс Наполеона», уравнивавший всех в гражданских правах, и проч. Показательна в этом смысле запись, сделанная Н.И. Тургеневым 4 января 1810 г. после поездки в столицу Вестфальского королевства: «Кассель мне очень не понравился; да и может ли нравиться место, где царствуют Наполеоны?» [12. С. 234].

Эта неприязнь к «Наполеонам» не помешала Николаю Ивановичу настоятельно рекомендовать брату Сергею ехать в Голландию, при этом в качестве дополнительного аргумента в пользу такой поездки он указывает на возможность увидеть там и самого французского императора, который, по слухам, собирался в это время посетить Амстердам [10. С. 101]⁵. Последний аргумент оказывается весомым

---

⁵ Наполеон прибыл в Амстердам 9 октября 1811 г.; это был его первый официальный визит в «третий город империи». См. подробнее: [13].

для С.И. Тургенева. Отправившись 11 сентября 1811 г. в путешествие, во время которого он начинает вести личный, «безадресный» дневник, Сергей Иванович остановился на несколько дней в Гамбурге, присоединенном в 1806 г. к Французской империи, но торопился в Амстердам, чтобы не пропустить приезда Наполеона, хотя у него имелась и другая, быть может, даже более значимая для него цель – попасть на спектакли французской труппы, прибывшей в Амстердам из Парижа, и насладиться игрой любимца Наполеона, знаменитого актера Ф.-Ж. Тальмы (François-Joseph Talma, 1763–1826)⁶, – эти два «зрелища» были для С.И. Тургенева почти равными по своей привлекательности, интерес к последнему даже явно перевешивал. Во всяком случае, уже находясь в Амстердаме, он, после безуспешных попыток раздобыть хорошие билеты на спектакль с участием французского кумира театральной публики, решает на необычный шаг: «Сам пойду к Тальме и, сказав, что я для него приехал в Амстердам (я не был уверен, что император здесь будет), буду просить, чтоб он доставил мне средство его видеть и слышать на сцене. Куда досадно будет, если и это не удастся. Надо будет идти в театр и быть жату до крайности. Но из любви к искусству может это и вытерплю. Зато видел Тальму...» [8. Л. 74].

Для С.И. Тургенева это была первая самостоятельная поездка за пределы немецких земель. Его дневник содержит множество бытовых подробностей, по которым можно составить представление о том, как организовывалось подобного рода заграничное путешествие и с какими трудностями оно было сопряжено. Одной из главных организационных проблем для странствующего иностранца было получение разрешения на въезд и выезд. Прибыв в Гамбург вечером 14 сентября, С.И. Тургенев на другое утро отправился в полицию, чтобы узнать, может ли он ехать в Голландию с паспортом «дружественного» Вестфальского королевства или должен получать новый, французский [8. Л. 50]. Этот поход в полицию послужил поводом для яркой «зарисовки с натуры»: в дневнике С.И. Тургенев не без иронии описывает, как солдат-привратник попытался выпроводить его из приемной и велел «стать с народом», так как «перед законом все равны» [8. Л. 50], однако служащие вернули его, усадили и по-

---

⁶ О выступлениях Тальмы в Амстердаме осенью 1811 г. см. подробнее: [14].

просили подождать, пока решится его вопрос. «Кто чище одет, тому и лавку чище надо», – завершает С.И. Тургенев описание этой сцены [8. Л. 50]. По приезде в Амстердам Тургенев снова отправляется в полицию, на сей раз чтобы получить разрешение на пребывание в Голландии. Иностранцу такое разрешение выдавалось сроком на восемь дней, и только при наличии двух поручителей выписывалось временное удостоверение, позволявшее оставаться дольше [8. Л. 68 об.]. «Это здесь нововведенная строгость», – отмечает Сергей Иванович [8. Л. 69]. Благодаря поручительству российского генерального консула Ивана Ивановича Смирнова С.И. Тургенев 3 октября получил временное удостоверение сроком на один месяц [8. Л. 83], однако уехал из Голландии несколько раньше – уже 16 октября он покинул Амстердам и 25 октября добрался до Касселя. При этом накануне отъезда, 15 октября, ему снова пришлось идти в полицию, чтобы сделать соответствующую отметку в паспорте, но осуществить задуманное ему не удалось: для получения выездной визы, по словам полицейского, нужно было заручиться согласием министра в Париже [8. Л. 104]. «...Когда я спросил, что же мне делать, то мне сказали, что я могу с этим паспортом ехать. К чему было с отчаянным лицом говорить о невозможном и проч. и пугать иноземца именем министра и проч.? Но Бог с ними! Только чтоб не беспокоили по дороге», – записал С.И. Тургенев [8. Л. 104].

Помимо визовых дел у молодого путешественника в Голландии было немало и других хлопот: устроиться в гостинице, найти подходящего лонлакея, уладить денежный вопрос и т.п. Гостиницы все были переполнены ввиду ожидавшегося приезда императора, и даже в частных домах было произведено некоторое «уплотнение» для размещения сопровождавших императора лиц; лонлакей, который обычно выполнял функции гида, а также помощника в разрешении бытовых проблем, попался Сергею Ивановичу неудачный – швейцарец Луи часто бывал пьян, редко приходил вовремя и постоянно норовил обжулить, обрекая неопытного иностранца на дополнительные расходы, что весьма чувствительно сказывалось на «дорожной кассе» Сергея Ивановича, который и без того был стеснен в средствах: не позаботившись заранее о наличных деньгах, он уже в Гамбурге потратил все, что у него было, так что даже за лодку, доставившую его с корабля на берег в Амстердаме, ему нечем было рас-

платиться и плату за него внес случайный попутчик [8. Л. 65 об.]; в результате ему пришлось обратиться за помощью к амстердамскому банкиру Иоганну Голлю ван Франкенштейну (Johann Goll van Frankenstein, 1756–1821), который, приняв во внимание имевшиеся у просителя рекомендательные письма, а также поручительство российского консула И.И. Смирнова, выдал ему необходимую сумму под вексель, каковой С.И. Тургенев обещал погасить по возвращении в Гёттинген, рассчитывая получить деньги от матери.

Все эти мелкие и крупные проблемы, однако, в полной мере искупались новыми впечатлениями, ради которых Тургенев и отправился в малое странствие. У этого странствия имелся и литературный ориентир – «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» («Sentimental journey through France and Italy», 1768) Лоуренса Стерна (Laurence Stern, 1713–1768), с которым С.И. Тургенев, как и многие его современники, «сверялся» в пути. Стерн выделяет одиннадцать типов путешествующих: праздный, пытливый, лгущий, гордый, тщеславный, желчный, путешественник поневоле, путешественник-правонарушитель и преступник, несчастный и невинный, простодушный, чувствительный. Всего лишь несколько месяцев спустя после путешествия по Гарцу С.И. Тургенев, теперь уже не скованный необходимостью представить более или менее художественный текст, относит себя к «пытливым» (inquisitive) путешественникам, для которых путешествие представляет собой своеобразную энциклопедию, и вместе с тем – к «чувствительным», понимая под последними тех, кто путешествует исключительно ради того, чтобы получить «собственное удовольствие» [8. Л. 36, 58–58 об.]. Это новое для него «самоназывание» определило и внутреннюю структуру программы осмотра голландских городов. Часть дня С.И. Тургенев посвящал разнообразным городским заведениям и учреждениям, вечера – походам в театры.

Среди государственных учреждений, которые С.И. Тургенев обстоятельно осмотрел в Амстердаме, – институт слепых, воспитательный дом для подкидышей и детей-сирот, богадельня, рабочий дом, разнообразные лечебные заведения, в том числе и больница для страдающих венерическими заболеваниями, которую он посетил вместе с консулом и специально приглашенным врачом, дававшим пояснения. Везде Тургенев обращал внимание на условия содержа-

ния, питание, общее устройство, подмечая отдельные детали, вглядываясь в разнообразные человеческие типы и собирая сведения об организации всех этих социально значимых заведений, – наблюдения, важные, с точки зрения молодого русского путешественника, для пополнения практического «багажа», который может оказаться небесполезным по возвращении на родину. Подобного рода осмотры не были чем-то необычным для того времени – как правило, они не требовали специального разрешения или предварительной договоренности, и всякий интересующийся свободно допускался к посещению. Во всяком случае, во всех путеводителях Генриха Августа Оттокара Рейхарда (Heinrich August Ottokar Reichard, 1751–1828), пользовавшихся особой популярностью среди путешествующих, непременно отмечались достойные посещения государственные заведения разного назначения. Путеводитель Рейхарда имелся и в багаже С.И. Тургенева, который хотя и поругивал знаменитого автора, называя его в сердцах «скотом» за путанную информацию путеводителя [8. Л. 41 об.], но все же в целом следовал его советам, проявляя при этом и некоторую самостоятельность: в списке осмотренных им заведений есть и те, которые не отмечены у Рейхарда. Примечательно, что так же действовали во время заграничных путешествий и старшие братья С.И. Тургенева, Николай и Александр: где бы они ни оказывались – в Германии, Австрии, Франции, Италии или Англии, они неизменно обходили важнейшие социальные заведения, соотнося свои наблюдения с российской действительностью. Неслучайно Александр Иванович, получив от Сергея Ивановича письмо, касавшееся его поездки в Голландию, особо отметил этот неожиданно проснувшийся его интерес к социальной сфере. «С великим удовольствием читал я быстрое описание твоего путешествия и замечал предметы, на кои обращал ты особенное внимание; в самое это время и я занимался теориею благотворительности, когда ты обозревал дома призрения и больницы в Голландии», – писал А.И. Тургенев брату в Гёттинген 7 декабря 1811 г. [9. С. 451].

С не меньшим вниманием Сергей Иванович изучал и местные церкви. За время своего пребывания в Амстердаме он побывал в нескольких католических и протестантских храмах, в армянской церкви, а также в двух синагогах, необычная обстановка которых произвела на него особое впечатление: «Какой крик! Если б они просили о

чем не Бога, а человека, то, думаю, их просьбы всегда б были исполнены. Чтoб избавиться от их крику, я бы все, кажется, в состоянии для них сделать. Какая разногoлoсца, ничего ни для глаз, ни для сердца, ни для ума» [8. Л. 91]. Но чаще всего он навeдывался в православную греческую церковь (храм Св. Екатерины), которую открыл для себя почти сразу по приезде: «...Побежал в греческую церковь. Как обрадовался, увидев старого монаха с бородой! Как приятно было быть в своей церкви. С удовольствием положил гульден на блюдо. Служба на греч<еском>. Императора Наполеона при большом выносе поминали на латинском, а эктинию пред Отче наш и самую эту молитву на русском. Я подтягивал: Подай, Господи! и Кирие елейсон. Церковь небольшая, но, кажется, достаточна для прихожан; чистота обыкновенная; по сторонам места с лавками. Из русских, кроме меня, никого не было. Греки отгадали, что я русский, подошли со мной говорить по-французски и звали в будущее воскресенье к обедни» [8. Л. 71 об.]. Эта радость от возможности побывать в «своей» церкви вполне понятна, если учесть, что в Гёттингене, где учился С.И. Тургенев, православного храма не было.

Все основное время, отведенное на голландское путешествие, С.И. Тургенев провел в Амстердаме в надежде все же увидеть французского императора. И только однажды он совершил короткую поездку в Сардам (Заандам), чтобы побывать в знаменитом доме Петра I, где тот жил восемь дней в 1697 г. под именем Петра Михайлова, когда приехал сюда для обучения корабельному делу. Этот частный «музей», устроенный местным предприимчивым трактирщиком, который купил и дом, и участок, был своеобразным местом паломничества для многих русских, приезжавших в Голландию и до Тургенева и после. На молодого Тургенева скромное жилище «величайшего из монархов», как он назван в его дневнике, произвело волнующее впечатление: «Я был в восхищении, хватался за всякий предмет в избе, долго смотрел на его кровать в стене, сорвал портрет его, целовал оный, не мог наглядеться. Товарищи мои сначала, может, удивились, но, узнав, что я русский, конечно, поняли причину нерегулярных моих движений. <...> У двери <...> отломил мне Луи по моему приказанию кусок дерева с гвоздем, который я хочу беречь. Вчера дама сказала мне, узнавши об этом от кого-то, что если б все русские были такие обожатели Петра I, то хижины ненадолго бы

стало. Но я хотел только кусок отрезать; вольно швейцару отломить полбревна. Мы записали в книге имена наши. Перевертывая листы в книге, я нашел замечание, кажется, одного француза, в котором он уверяет, qu'il révère ton individualité, o Pierre, mais qu'il craint pour les suites de l'agrandissement de la Russie⁷. Думает, что величие, Петром основанное, вредно для всего света или по крайности для просвещенной Европы» [8. Л. 79 об., 81–81 об.]. Сам Тургенев ощущал себя частью этой обновленной России, «не скифом, но русским, с благородными мыслями» [8. Л. 87 об.], и на бытовом уровне не сталкивался с неприязненным к себе отношением, за которым скрывалось бы опасливое отношение к России, высказанное неизвестном французом, подписавшимся «Друг гармонии». В дневнике С.И. Тургенева отмечен лишь один эпизод, когда он ощутил неприязнь к себе со стороны окружающих, но связан этот эпизод был с тем, что его приняли за француза, поскольку главным языком общения для него во время путешествия был именно французский и реже – немецкий. «Что за дьявольщина! Сейчас был пьяный прихмахер, воспитанный в Париже, и принял меня за приехавшего из Франции, – записал С.И. Тургенев на второй день своего пребывания в Амстердаме, 28 сентября. – Неужели я похож на француза? Еще: вчера сказывал мне тот, который привел меня сюда, что он, его товарищ, все корабельные служители потому не очень хорошо сначала обошлись со мною, что думали – я француз. Когда же он сказал им, то они стали несравненно учтивее, ласковее. Вероятно, обязан я этим заблуждением тому, что не говорю по-голландски, а по-французски» [8. Л. 67 об.–68].

«Французская линия» становится сквозной в дорожном дневнике С.И. Тургенева, который, присматриваясь к повседневной жизни голландцев, пытается понять их отношение к новой власти, осмыслить плюсы и минусы произошедших перемен, связанных с вхождением Голландии в состав Франции. Сам он, приехав сюда с готовым знанием о том, что богатая некогда страна оказалась в политическом рабстве, смотрел поначалу на все сквозь призму последних исторических событий и даже «классические» голландские пейзажи, увиденные им, когда он еще находился на борту корабля, хотя и вызва-

---

⁷ Что он почитает тебя как личность, о Петр, но боится последствий расширения России (*фр.*).

ли у него необыкновенный восторг, все же наводило на мысли о несоответствии этих идиллических картин реальной несвободе голландцев: «“*Quel pays!*” – восклицал я, стоя на палубе и видя прекрасные деревни и луга. И в самом деле. Кто не подумает, что в них живут люди самые счастливые! Но нет! Это только следы счастья. Теперь рука сильного обременяет мудрых» [8. Л. 63]. Однако проведя несколько дней в Амстердаме, С.И. Тургенев с некоторым удивлением для себя обнаружил, что местные жители в целом вполне приспособились к новой ситуации и особо не ропщут. О том, что за несколько месяцев до его приезда, в апреле 1811 г., в Амстердаме произошли масштабные беспорядки, вызванные нововведенной воинской повинностью [15. С. 272], Тургенев ничего не знал, как не знал он и о наличии активной антинаполеоновской «пропаганды». Об отношении к французскому правительству он судил по разговорам со случайными знакомыми: «Здесь, говорят, более привыкли к новому правительству, и достаточные люди ищут мест, между тем как в Гамбурге не любят всех служащих, особливо французов» [8. Л. 85 об.].

Подобного рода разговоры заставляют молодого русского студента задуматься о причинах видимой гражданской покорности, при том что сами эти размышления являются характерной приметой времени, отмеченного духом глобальных перемен, начавшихся с революций во Франции. Продолжающаяся череда европейских войн, имевших своим следствием перекройку территорий, а также изменение форм государственного правления, – факторы, формировавшие субъективную готовность к масштабным сдвигам. Такая субъективная готовность прочитывается и в дневнике С.И. Тургенева: его рассуждения о покорности голландцев в наполеоновскую эпоху так или иначе имплицитно представляют о наличии альтернативы в виде протеста. Отсутствие протеста С.И. Тургенев объясняет для себя благосостоянием страны и личным богатством отдельных граждан: «Правда, что богатство делает людей равнодушнее к свободе, что бедные всегда храбры. Но зато не привязывает ли богатство более к отечеству, и не легче ли бедные переменяют свое положение, своих владык? Надежда улучшить свое состояние не обманывает ли бедного более, чем достаточного? – Унижение голландцев должно искать выше, во временах отдаленных и наконец в характере их. Когда были

они велики? Тогда, как великие люди ими управляли. Но когда принцы Оранские перестали быть такими, то упадок сухопутных и даже морских сил уже предсказывал упадок земли» [8. Л. 101 об.]. Мысль о прямой зависимости градуса политической лояльности от благосостояния общества не была новой: применительно к Голландии она была уже высказана в стихотворной форме Оливером Голдсмитом (Oliver Goldsmith, 1728–1774) в философской поэме «Путешественник» («The Traveller, or Prospect of Society», 1764), в которой автор дал развернутую уничижительную характеристику страны, движимой, по его мнению, алчностью:

Hence all the good from opulence that springs,
With all those ills superfluous treasure brings,
Are here displayed. Their much-loved wealth imparts
Convenience, plenty, elegance, and arts,
But view them closer, craft and fraud appear,
Even liberty itself is bartered here.
At gold's superior charms all freedom flies,
The needy sell it, and the rich man buys.
A land of tyrants, and a den of slaves,
Here wretches seek dishonourable graves,
And, calmly, to servitude conform,
Dull as their lakes that slumber in the storm⁸ [16. P. 15].

Это произведение Голдсмита С.И. Тургенев читал по возвращении в Гёттинген, однако стихи о Голландии ему не понравились и резкие суждения Голдсмита он счел несправедливыми [8. Л. 110]. Не соглашаясь с суровым приговором, вынесенным поэтом Голландии, он не мог дать для себя ясной оценки той политической реальности, с которой соприкоснулся во время своего непродолжительно-го пребывания в стране. Для него Наполеон – не тиран, но завоева-

---

⁸ И вот мы находим здесь как все блага изобилия, так и все беды, которые влечет за собой излишний достаток. Любимое ими богатство способствует удобству, довольству, изяществу, искусствам, но приглядишься – заметишь хитрость и обман, здесь торгуют даже самой свободой. Свобода бежит очарования золота, бедный продает ее, а богатый покупает. Страна тиранов, рабский притон, где убогие влекутся к позорному гробу и смиренно покорствуют рабству, унылые, подобно своим родным озерам, которые и в бурю остаются неподвижны (*англ.*).

тель, отношение к которому у молодого русского дворянина, почитателя культуры Франции, постоянно колеблется. Ожидая прибытия французского императора, С.И. Тургенев пишет: «Итак, я увижу Наполеона. Что всего более надо смотреть в нем? Говорят, глаза... И подлинно. Посмотрю, какими глазами смотрит он на людей, им в несчастье погруженных. Целые земли! <...> Здесь, право, и без французов хорошо было. Один человек! Но он смертный – горестное утешение!» [8. Л. 95]. Однако вместе с тем он приходит к заключению, что присоединение Голландии к Франции, по крайней мере с экономической точки зрения, может быть, и благо [8. Л. 87 об.], а позже уже называет Наполеона «великим монархом», который «для пользы своих новых детей приехал в Голландию и для них работает с раннего утра до ночи» [8. Л. 131]. Такая двойственность обусловлена совмещением разных перспектив, которые условно можно обозначить как дальнюю и ближнюю. Первая из них – абстрактно-умозрительная, и опирается она на некоторые знания, а также комплекс идей, характерных для эпохи глобальных сдвигов, вторая – субъективная, имеющая в своей основе непосредственные наблюдения «постороннего», который, хотя и ощущает себя европейцем, все же не отождествляет себя с окружающими. В этой субъективной, ближней перспективе Наполеон пока еще «великий герой», рожденный французским духом и стоящий для С.И. Тургенева в одном ряду с Вольтером и Тальмой [8. Л. 130], – гений, заслуживающий того, чтобы ему посвящали стихи, песни, оперы, пьесы, на представлении одной из которых С.И. Тургенев лично присутствовал. Речь идет об одноактной музыкальной пьесе французского драматурга Рене де Шазе (André René Polydore Alissan de Chazet, 1774–1844) «Саардамская верфь, или Голландский экспромт» («Le Chantier de Saardam, ou L'impromptu hollandais»), сочиненной в 1811 г. специально по случаю голландского вояжа Наполеона и его супруги. Один из музыкальных номеров (марш) настолько понравился публике, что многие зрители принялись подпевать, повторяя рефрен «Vive Louise, vive Napoléon»⁹; среди подпевавших был и Сергей Иванович, который не только отметил это обстоятельство у себя в дневнике, но и записал запомнившийся ему «куплет» [8. Л. 102].

---

⁹ Да здравствует Луиза, да здравствует Наполеон (*фр.*).

Собственное воодушевление, с которым он славил «чужого» завоевателя, нисколько не мешало С.И. Тургеневу осуждать голландцев за слишком бурное проявление верноподданнических чувств, которое он наблюдал в эти дни. «Вчера после театра говорил я внизу с одним голландцем, который видел императора в Утрехте. Его там <...> хорошо приняли. Он видел, как кушал его имп<ераторское> велич<ество>. Я желал ему видеть, как он какает, и сказал на ухо это хозяйке» [8. Л. 95 об.]. Последняя, достаточно легкомысленная, реплика могла обернуться для русского студента серьезными неприятностями, если учесть то количество секретных полицейских агентов, которые в это время «работали» в театрах, трактирах, церквях, подслушивая разговоры и выявляя неблагонадежных [15. С. 274]. Но все обошлось без последствий, и С.И. Тургенев, проведя в Амстердаме чуть больше двух недель, 16 октября отправляется в обратный путь, даже не воспользовавшись возможностью побывать на балу, который был дан 22 октября в честь Наполеона и его супруги в здании городского филантропического общества «Феликс Меритис» (Felix Meritis). Уехал он без особой «тоски» [8. Л. 105], но полный самых приятных впечатлений, которые, однако, довольно скоро отошли на второй план, уступив место общим размышлениям о формах государственного устройства, более всего подходящих для Голландии. Импульсом к размышлениям такого рода стало сочинение популярного в России шотландского экономиста Адама Смита (Adam Smith, 1723–1790) «Исследование о природе и причинах богатства народов» («An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations», 1776), которое С.И. Тургенев читал по возвращении в Гёттинген, делая из него обширные выписки, преимущественно из «голландской» части, где говорилось о том, что только республиканское устройство может удержать капитал и сохранить благосостояние этой богатой страны.

Так голландское путешествие стало поводом для пополнения интеллектуального багажа молодого русского «либерала», который уже через несколько лет, в 1815 г., будет служить в Париже при графе М.С. Воронцове (1782–1856) в составе российского экспедиционного корпуса и среди прочего посвящать часы досуга размышлениям о формах революции и очертаниях конституции, которая могла бы действовать в России.

Литература

1. *Lauer R.* Russische Studenten in Göttingen im 18. Jahrhundert und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts // *Russland und die «Göttingische Seele»*. Göttingen : Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen, 2003. S. 323–339.
2. *Тургенев А.И.* Путешествие русских студентов по Гарцу // *Архив братьев Тургеневых*. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1911. Вып. 2. С. 289–302.
3. *Bock B.* Baedeker&Cook – Tourismus am Mittelrhein 1756 bis ca. 1914. Frankfurt a. Main : Peter Lang Internationaler Verlag der Wissenschaften Broeckelmann, Philipp, 2010. 456 s.
4. *Köhler-Zülch I.* Hans Christian Andersen und die Harzer Sagentopographie // R.W. Brednich (Hrsg.). *Erzählkultur: Beiträge zur kulturwissenschaftlichen Erzählforschung: Hans-Jörg Uther zum 65. Geburtstag*. Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 2009. S. 176–177.
5. *Reislandschaft Harz. Streifzüge durch die Geschichte der Harzreisen vom 18. Jahrhundert bis heute* / hrsg. von Roemer-Museum Hildesheim. Hildesheim : Hagedruck, 1993.
6. *Тургенев А.И.* Письма к Н.И. Тургеневу в Гёттинген. 1808–1810 гг. // *Архив братьев Тургеневых*. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1911. Вып. 2. С. 357–440.
7. *Тургенев Н.И.* Письма к брату А.И. Тургеневу и к матери Е.С. Тургеневой // *Архив братьев Тургеневых*. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1911. Вып. 1. С. 309–407.
8. *Тургенев С.И.* Дорожные записки из Гёттингена до Петербурга. 1811–1812 // Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (РО ИРЛИ). Ф. 309. № 19. 286 л.
9. *Тургенев А.И.* Письма к С.И. Тургеневу в Гёттинген. 1810–1811 гг. // *Архив братьев Тургеневых*. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1911. Вып. 2. С. 441–452.
10. *Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу*. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. 588 с.
11. *Тургенев Н.И.* Дневники и письма за 1811–1816 годы // *Архив братьев Тургеневых*. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1913. Вып. 3. С. 5–341.
12. *Тургенев Н.И.* Дневники и письма за 1806–1811 года // *Архив братьев Тургеневых*. СПб. : Тип. Имп. Академии наук, 1911. Вып. 1. С. 5–307.
13. *Sor Ch. de.* Suite des Souvenirs du Duc de Vincence. Napoléon en Holland (1811). Paris : Gustave Barba, 1841.
14. *Chevalley S.* Politique et Théâtre. Une visite impérial en Hollande en 1811 // *Revue du Souvenir Napoléonien*. Paris, 1988. Vol. 359, juin. P. 13–18.
15. *Йор Й.* Движение протеста и антинаполеоновская пропаганда в Голландии 1806–1813 гг. / пер. с англ. Е.А. Прусской // *Французский ежегодник 2012: 200 лет Отечественной войны 1812 года*. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 265–294.
16. *Goldsmith O.* The Traveller and The Deserted Village / ed. by W. Murison. Cambridge : University Press, 1936.

Sergey Turgenev's Student Travels: The European Experience and Its Reflection in His Diaries for 1811

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2021, 15, pp. 116–139. DOI: 10.17223/24099554/15/7

Marina Yu. Koreneva, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: marinakoreneva7@gmail.com

Ekaterina O. Larionova, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: elari@mail.ru

Keywords: 19th-century travels, Harz, Holland, brothers Turgenev, European experience.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 18-012-00-478.

The article is written on the material of the unpublished diaries of Sergei Ivanovich Turgenev (1792–1827) and focuses on two journeys he made in 1811 while studying at the University of Göttingen: to the Harz and to Holland. The former is a special type of student travel that developed in the German “Bursch” environment and had its own stable routes and behavioral “rituals”. The curriculum of the University of Göttingen had a special course on travel; therefore, for university students, hiking in the Harz was part of the unwritten compulsory “program”. The relative proximity of the Harz to Göttingen, its connection with German history, and the beauty of its nature made it an attractive destination for an educational trip that allowed combining the useful with the pleasant. However, the concept “useful”, when applied to the Harz, changed at the turn of the 19th century. The amateur interest in natural history and mineralogy led to a shift in focus from the description of historical monuments to the natural sciences. The Harz began to be considered primarily as a geological phenomenon and a place of mining, which also determined the plans for its exploration. This focus on natural science is evident in the recordings of Sergei Turgenev’s elder brothers, Alexander and Nikolai, who also studied in Göttingen and visited the Harz several years earlier. The described context allows seeing the peculiarities of Sergei Turgenev’s perception of the Harz. He went there solely for pleasure, did not prepare for the journey in any way, and wrote down his impressions only to satisfy Alexander Turgenev’s request of a report on the trip from his younger brother. For this purpose, Sergei “literated” some of his notes based on his travel diary. Lacking pragmatic information, he tried to compensate for it with “sensitive” reasoning and poetic quotations. The somewhat artificial literary character of the text is balanced by the vivid details and sketches of momentary everyday situations. Sergei Turgenev did not post-process his travel notes on the trip to Holland. The notes show that, within just a few months, Sergei Turgenev’s perception of the European space changed. The entertaining “Bursch” transformed, according to his own words, into an “inquisitive” traveler from Stern’s “classification”. He looks at the Dutch, who then recently became new sub-

jects of the French Empire; watches their preparations for Napoleon's arrival; is surprised at the degree of their loyalty to the foreign ruler; and ponders the question of how much this loyalty depends on citizens' well-being. The trip to Holland leads Sergei Turgenev, upon his return to Göttingen, to reading Adam Smith, on the one hand; on the other hand, it gives a start to the reasoning, which goes through all his later diaries and letters, on constitutionalism, on the nature of revolutions, and on the need for modernization reforms in Russia.

References

1. Lauer, R. (2003) Russische Studenten in Göttingen im 18. Jahrhundert und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. In: Mittler, E. & Glitsch, S. (Hrsg.). *Russland und die "Göttingische Seele"*. Göttingen: Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. pp. 323–339.
2. Turgenev, A.I. (1911a) Puteshestvie russkikh studentov po Gartsu [The Journey of Russian Students in the Harz]. In: *Arkhir brat'ev Turgenykh* [Archives of the Brothers Turgenev]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 289–302.
3. Bock, B. (2010) *Baedeker&Cook – Tourismus am Mittelrhein 1756 bis ca. 1914*. Frankfurt a. Main: Peter Lang Internationaler Verlag der Wissenschaften Broeckelmann, Philipp.
4. Köhler-Zülch, I. (2009) Hans Christian Andersen und die Harzer Sagentopographie. In: Brednich, R.W. (Hrsg.). *Erzählkultur: Beiträge zur kulturwissenschaftlichen Erzählforschung: Hans-Jörg Uther zum 65. Geburtstag*. Berlin; New York: Walter de Gruyter. pp. 176–177.
5. Roemer-Museum Hildesheim. (Hrsg.) (1993) *Reislandschaft Harz. Streifzüge durch die Geschichte der Harzreisen vom 18. Jahrhundert bis heute*. Hildesheim: Hagedruck.
6. Turgenev, A.I. (1911b) Pis'ma k N.I. Turgenevu v Gettingen. 1808–1810 gg. [Letters to N.I. Turgenev in Göttingen. 1808–1810]. In: *Arkhir brat'ev Turgenykh* [Archives of the Brothers Turgenev]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 357–440.
7. Turgenev, N.I. (1911a) Pis'ma k bratu A.I. Turgenevu i k materi E.S. Turgenevoy [Letters to brother A.I. Turgenev and to mother E.S. Turgeneva]. In: *Arkhir brat'ev Turgenykh* [Archives of the Brothers Turgenev]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 309–407.
8. Manuscript Department of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (RO IRLI). Fund 309. No. 19. Turgenev, S.I. (1811–1812) *Dorozhnye zapiski iz Gettingena do Peterburga* [Travel notes from Göttingen to St. Petersburg]. 286 p.
9. Turgenev, A.I. (1911c) Pis'ma k S.I. Turgenevu v Gettingen. 1810–1811 gg. [Letters to S.I. Turgenev in Göttingen. 1810–1811]. In: *Arkhir brat'ev Turgenykh* [Archives of the Brothers Turgenev]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 441–452.

10. Turgenev, N.I. (1936) *Dekabrist N.I. Turgenev. Pis'ma k bratu S.I. Turgenevu* [Decembrist N.I. Turgenev. Letters to brother S.I. Turgenev]. Moscow; Leningrad: USSR AS.

11. Turgenev, N.I. (1913) Dnevnik i pis'ma za 1811–1816 gody [Diaries and letters for 1806–1811]. In: *Arkhiv brat'ev Turgenyevykh* [Archives of the Brothers Turgenyev]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 5–341.

12. Turgenev, N.I. (1911b) Dnevnik i pis'ma za 1806–1811 goda [Diaries and letters for 1806–1811]. In: *Arkhiv brat'ev Turgenyevykh* [Archives of the Brothers Turgenyev]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. pp. 5–307.

13. Sor, Ch. de. (1841) *Suite des Souvenirs du Duc de Vicence. Napoléon en Hollande (1811)*. Paris: Gustave Barba.

14. Chevalley, S. (1988) Politique et Théâtre. Une visite impériale en Hollande en 1811. *Revue du Souvenir Napoléonien*. 359. Juin. pp. 13–18.

15. Joor, J. (2012) Dvizhenie protesta i antinapoleonovskaya propaganda v Gollandii 1806–1813 gg. [History and Myth of Dutch Popular Protest in the Napoleonic Period (1806–1813)]. Translated from English by E.A. Prusskaya. In: Chudinov, A.V. (ed.) *Frantsuzskiy ezhegodnik 2012: 200 let Otechestvennoy voyny 1812 goda* [French Yearbook 2012: 200 Years of the Patriotic War of 1812]. Moscow: IWL RAS. pp. 265–294.

16. Goldsmith, O. (1936) *The Traveller and The Deserted Village*. Cambridge: Cambridge University Press.